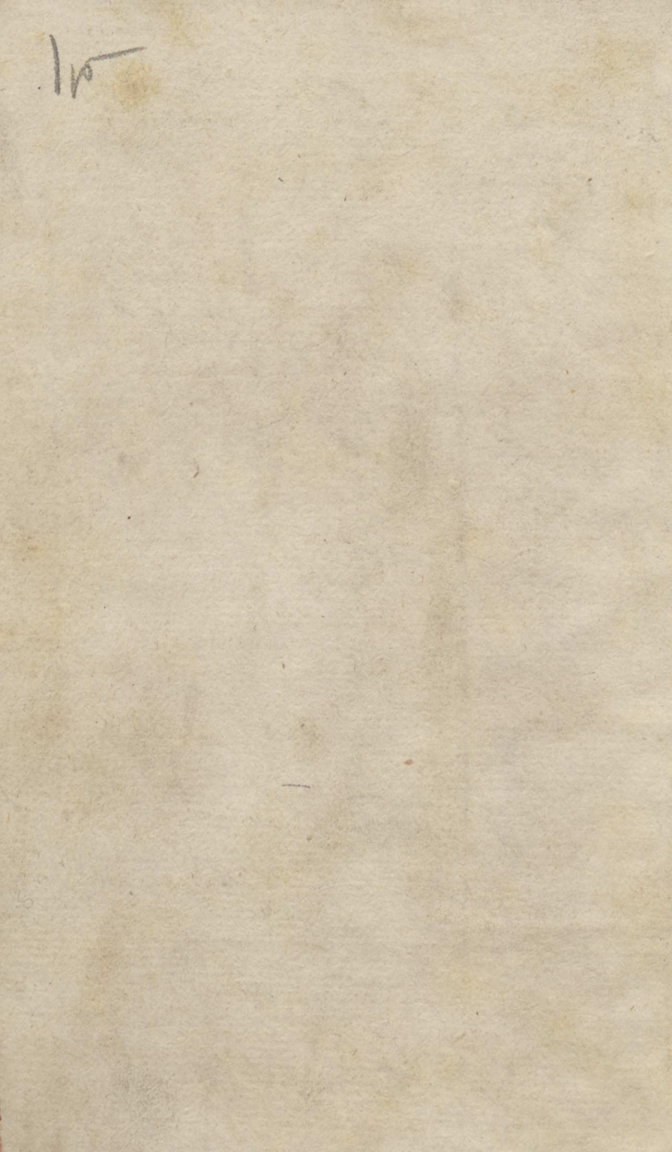

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 285
ПОЛКА 5
№ 5

Из книг Михайлы Андреевича
Пушкина /

СИДНЕЙ
И
СИЛЛИ,
ИЛИ
БЛАГОДѢЯНІЕ
И
БЛАГОДАРНОСТЬ.

Аглинская повѣсть.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1769. года.

* * *

* * *   * * *

КЪ ГОСПОЖѢ ....

Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я Сиднея, и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь.

СИДНЕЙ и СИЛЛИ,

ИЛИ
БЛАГОДѢЯНІЕ
И
БЛАГОДАРНОСТЬ.
АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

* * *

Третьяго дня былъ я по обыкновенію моему въ вольномъ домѣ. Тамо истощивъ уже всѣ разговоры о глубочайшихъ политическихъ дѣлахъ, поискавъ способовъ ко снисканію нашей пользы, подавая при томъ миръ Европѣ, начали говорить о Филосо-

фіи и о Философахъ. Одни вступились за Бакона, другіе за Локка, иные за Невтона, и сей послѣдней имѣлъ превосходнѣйшее число защитниковъ: почти всѣ согласились почесть его Героемъ всѣхъ мудрыхъ мужей великой Британіи. Толстой человѣкъ, слушавшей насъ съ нѣкоторымъ родомъ критическаго равнодушія, и посылавшей намъ къ носу густыя изъ дыму облака, положилъ на столъ свою трубку, и говорилъ намъ спокойнымъ видомъ: Господа, вы нималѣйшаго не имѣете понятія о благоразуміи и Философіи; по моему мнѣнію тотъ есть Философъ, которой ближнему добро дѣлать умѣетъ; а не тѣ врали, которые становятся страдальцами сумозбродныхъ системъ своихъ. Пускай Исакъ Невтонъ будетъ человѣкъ великой; да я знаю человѣка еще болѣе его. Онъ не успѣлъ докончить сихъ словъ, какъ взялъ опять свою трубку, и сталъ курить съ прежнею важностію. Послѣднія слова его возбудили въ собраніи любопытство. Человѣкъ болѣе Невтона! Кто бы былъ толь рѣдкой изъ смертныхъ! Всѣ къ нему подходить стали, и одинъ изъ собранія просилъ его съ учтивостію сказать намъ: кто бы была сія чудная тварь, которая брала по его словамъ верьхъ надъ Философомъ, дѣлающимъ честь нашему народу. Съ охотою, отвѣ-

чалъ

чалъ онъ: мнѣ мило, когда добродѣтель толь явно почитаютъ; и я не сомнѣваюсь, что мой Философъ будетъ и вашимъ . . . Малой! подай намъ вина бутылку; не худо господа растворить виномъ повѣствованіе.

Искренность сего человѣка привлекла насъ ко вниманію; мы велѣли подать вина, и сѣвъ около его, просили начать повѣсть. Такъ, государи мои, сказалъ онъ намъ опорожнивъ большой стаканъ: я ласкаю себя надеждою показать вамъ, что такое есть прямой Философъ. Сколь много ложныхъ! Я признаюсь, что съ нѣкотораго времяни наскучили мнѣ всѣ ученыя разсужденія. Годдамъ! (*) говорилъ онъ, размахивая сильно своею трубкою, не въ томъ состоитъ добродѣтель, чтобъ сочинять книги; а въ томъ, чтобъ дѣлать добро, быть людямъ полезну, и утѣшать ихъ въ злополучіяхъ.

Сіи начальныя слова насъ тронули . . . Какова вы меня видите, продолжалъ онъ, я читалъ не меньше другихъ великое число важныхъ дурачествъ; я набилъ себѣ голову множествомъ великолѣпныхъ глупостей, которыя называются *знаніями*; я путешествовалъ, мнѣ попадалось безконеч-

 ное

(*) Аглинская божба.

ное число карловъ, которые считали себя великанами; попадалось множество безумцовъ, которые премудрыми себя называли. Объѣхавъ дважды свѣтъ, встрѣтился я въ восточной Индїи съ однимъ изъ нашихъ земляковъ, называемымъ Сидней. Онъ былъ въ сухопутной службѣ; богатъ безъ гордости, безъ жестокосердїя; словомъ, онъ былъ самой кроткой и честной человѣкъ. Я познакомился съ симъ великодушнымъ Британцомъ. Вседневно находилъ я въ немъ новыя добродѣтели, кои убѣгая славы, были тѣмъ самымъ еще почтеннѣе. Я спѣшу начать повѣсть, и умалчиваю о множествѣ такихъ дѣлъ, изъ коихъ бы и одно могло здѣлать ему похвалу нескаванную. Вы услышите теперь добродѣтельное дѣйствїе нашего согражданина точно такъ, какъ я слышалъ оное изъ устъ вѣрнѣйшаго его друга; ибо самъ онъ нежелаетъ того, чтобъ узналъ свѣтъ о его благодѣянїяхъ. Не дивитеся тому, что стану я раскызывать сїю повѣсть съ такою точностїю; я написалъ ее своею рукою, и знаю наизусть. По моему мнѣнїю она стоитъ всѣхъ мнимыхъ храбрыхъ дѣлъ вашихъ Александровъ и Цесарей, которыми человѣческая память толь безплодно обременяется.

Сидней

Сидней имѣлъ въ Индїи знатнѣйшей воинской чинъ. У насъ была тогда война съ Набабомъ. На одномъ сраженїи, на котором мы одержали побѣду, увидѣлъ Сидней между Индѣйцами одного Европейца, которой сражался съ яростїю; онъ ворвался въ Аглинскїе полки, и обагренной кровїю, побилъ уже онъ много нашихъ. Въ ту минуту, когда поразилъ имъ сталъ взоръ Сиднея, мучилъ онъ солдата издыхающаго уже отъ его ударовъ. Сїе зверское дѣйствїе возбудило въ Сиднѣевой душѣ удивленїе и ужасъ; онъ не могъ себѣ представить, чтобъ такое варварство было безъ причины: повелѣлъ схватить сего человѣка, и привести его къ себѣ живаго. Приказанїе сїе было исполнено. Схватили сего ожесточеннаго, оторвавъ его съ трудомъ отъ добычи, и принесли его въ Сиднѣевъ шатеръ лишеннаго памяти, и истекшаго почти кровїю. Согражданинъ нашъ подошелъ къ сему изступленному, и примѣтилъ въ немъ лицо благородное и любезное, и черты означающїя душу честнаго человѣка. Сидней не могъ согласить того, что объщаетъ видъ сей плѣнника, съ тою яростїю, съ которою метался онъ во время сраженїя; съ великимъ старанїемъ велѣлъ онъ перевязать раны его. Нещастной, вскричалъ Сидней взглянувъ на него, возможно ль

имѣть толь милой видъ, съ толь жестокою и варварской душею? Отъ чего могла родиться такая гнусная разность?

Раны плѣнника перевязали. Онъ открылъ глаза свои. Я еще вижу свѣтъ! я еще людей вижу, и не могу растерзать ихъ сердце, не могу истребить ихъ! О Боже! . . . По сихъ словахъ силится онъ встать, упадаетъ опять, затворяетъ глаза, рвется разорвать перевязки ранъ своихъ; но его не допускаютъ, и онъ вдругой разъ чувствъ своихъ лишается. Жалость имъ произведенная возрастаетъ. Сидней велѣлъ имѣть о немъ особливое попеченіе, и приказалъ себѣ сказать, какъ скоро чужестранецъ опомнится. Надобно, говорилъ почтенной нашъ согражданинъ, надобно чтобъ сей человѣкъ терзаемъ былъ какою нибудь жестокою страстію; или чтобъ лютыя его нещастія родили въ немъ ненависть ко всему человѣческому роду. Бѣшенство его преестественно. Нѣтъ такого сердца, которое бы не волнуемо будучи никакимъ сильнымъ движеніемъ, ввергалось само собою въ толикую жестокость.

Доброе мнѣніе, которое имѣлъ Сидней о плѣнникѣ, влекло его опять къ сему нещастному; онъ еще не вошелъ къ нему, какъ

какъ раненой отворивъ умирающїе глаза, покушался въ другой разъ разорвать перевязки. Великодушїемъ исполненный Сидней удержалъ его руки: что ты дѣлаешь, вскричалъ онъ, ты теперь не между дикими: Агличане люди. — Люди! отвѣчалъ чужестранецъ съ видомъ мрачнаго отчаянїя: я сихъ то бы чудовищъ и растерзать хотѣлъ. Естьли искра жалости въ васъ остается, естьли не всѣ вы львы, не всѣ вы тигры, то пустите умереть меня. Сего единаго утѣшенїя отъ васъ я ожидаю; когда уже не могу разрушить, когда не могу я истребить весь родъ человѣческой. Небо! скончай ужасны дни . . . Твое старанїе безполезно, продолжалъ онъ говорить Сиднею, не смотря на злодѣйскїя твои вспоможенїя, я знаю какъ добиться смерти, которая будетъ мнѣ первымъ на свѣтѣ благодѣянїемъ. По сихъ словахъ закрылъ онъ подушками свою голову, и сталъ жалостно стонать. Сїе зрѣлище смягчало отъ часу болѣе добродѣтельнаго Сиднея. Онъ имѣлъ такое о плѣнникѣ своемъ попеченїе, какъ чадолюбивой отецъ о собственномъ своемъ сынѣ.

Больной мало помалу, и какъ будто по неволѣ, къ жизни возвращался. Воздыханїя его слышны были: часто проливалъ

онъ такія слезы, каковыя чувствительныя люди различающія разныя дѣйствія печали, признаваютъ за слезы сердечныя. Онъ самъ подвигнутъ сталъ несказаннымъ о немъ попеченіемъ Сиднея. Какъ, государь мой, говорилъ ему раненой, въ ту минуту, когда казался онъ спокойнѣе прежняго, ты человѣкъ; а въ тебѣ некаменное сердце! Ахъ! вѣрь мнѣ, что я чувствовать благодарность способенъ, но чего ты надѣешся? Сохранить жизнь мою, жизнь, сей источникъ лютѣйшихъ мнѣ нещастій! Когда уже нашелъ я въ тебѣ существо благотворное, то пусти умереть меня. — Какъ, отвѣтствовалъ Сидней, взявъ за руки плѣнника, ты не хочешь любить меня! Я Агличанинъ, ты мнѣ кажется рожденымъ во Франціи; но для Сиднѣева сердца нѣтъ на свѣтѣ семъ врага. Онъ тебя утѣшитъ, онъ другъ нещастныхъ. —

Есть друзья на свѣтѣ! Ахъ! государь мой, я столько жилъ... Душа моя скорбїю отягченна; ты видѣлъ меня въ бѣшенствѣ; ты видѣлъ, какъ я метался на людей... Они здѣлали меня варваромъ. По сихъ словахъ полился источникъ горькихъ слезъ изъ очей сего неизвѣстнаго человѣка. Нѣтъ, я не злодѣй, говорилъ онъ, я не чудовище, я имѣю сердце... Я его

имѣю,

имѣю, и вотъ мое нещастье . . . Сидней его обнемлетъ. Ободрись, говоритъ ему, душа моя тебѣ отверста; безъ сомнѣнія жестокость сія тебѣ неприлична; я усмотрѣлъ душевное свойство твое сквозь твоея лютости; оно изображенно было на лицѣ твоемъ, обезображенномъ текущею кровію. — Далеко, государь мой, отвѣчаетъ ему чужестранецъ, далеко отъ того, чтобъ я былъ безчеловѣченъ; суди о моемъ отчаяніи. Я принужденъ сталъ себя унизить до того, до того ожесточиться . . . Я самъ себѣ ужасенъ: люди недостойные сего имени! вы знаете, созданъ ли я былъ любить васъ! —

Но скажи мнѣ, говорилъ Сидней, гдѣ ты жилъ! Не въ лѣсахъ ли между чудовищъ? — Ахъ! естьли бъ жилъ я только съ ними, перерываетъ плѣнникъ: но нѣтъ. Я жилъ между людьми; жилъ въ самомъ Парижѣ.

Великодушной Агличанинъ нечувствительно привлекъ его къ повѣствованію его нещастій.

Позвольте господа, поднести вамъ по рюмкѣ вина, и выпить мнѣ самому: послушайте меня: вы узнаете Сиднея, прямова Философа.

 Ты,

Ты, мнѣ кажется, говорилъ ему плѣнникъ, достойнымъ того, чтобъ я оправдался; узнай мои бѣдствїя, и разсуди, справедлива ль та ненависть, которую имѣю я и къ людямъ и къ себѣ.

Я родился въ Парижѣ. Родня моя жила въ такой провинцїи, гдѣ дворянство не весьма достаточно. Отецъ мой прїѣзжалъ ко двору искать себѣ мѣста въ военной службѣ. По многихъ затрудненїяхъ и досадахъ получилъ онъ желаемое, и женился на благородной дѣвицѣ, которая была сколь прекрасна, столь и добродѣтельна. У нихъ дѣтей было много. Старшей былъ я; одинъ изъ братьевъ моихъ умеръ съ оружїемъ въ рукахъ. Мать моя не могла перенести сей печали: она оставила отца моего съ сыномъ и дочерью въ небогатомъ состоянїи. О первыхъ годахъ моихъ говорить мнѣ нѣчего. Я родился чувствителенъ, и сїе самое было основанїемъ всѣхъ моихъ нещастїй и печалей. Душа моя изображалась на лицѣ моемъ, и изъявляла нѣжность и человѣчество. Я воспитанъ былъ съ такими мысльми, что добродѣтель, честность, чувствительность могутъ дѣлать людей благополучными: что люди снисходительны, и усердны утѣшать ближнихъ, одолжать ихъ, и дѣлать имъ вспоможенїе. Едва вышелъ я изъ младенчества,

ства, какъ сталъ имѣть уже въ рукахъ моихъ книги: въ сихъ-то обманчивыхъ зерцалахъ учился я познавать родъ человѣческой. Я читалъ въ нихъ что есть на свѣтѣ Герои, мудрыя, сердца благодѣтельныя, друзья ревностные словомъ, что есть люди, и душа моя восхищалась сей прелестною мечтою. Съ такими мыслями, съ такимъ чувствїемъ вошелъ я въ свѣтъ. Природа моя; нѣкоторой вкусъ къ химерамъ называемымъ науками, кои хотя въ большой части людей умерщвляютъ чувствованїе, но во мнѣ питали и умножали оное; желанїе мое нравиться другимъ; необходимость любить все то, что меня окружаетъ; наконецъ мое чистосердечїе составляли титлы, кои принесъ я съ собою въ сообщество, и коимъ придавалъ я нѣкоторую цѣну. Я не много медлилъ повѣрить всѣмъ обманамъ жизни сея. Вѣрилъ я великимъ людямъ, друзьямъ, благодѣтелямъ, честнымъ людямъ, сердцамъ сострадающимъ, душамъ благороднымъ, кои любятъ добродѣтель для нея самое: словомъ, я вѣрилъ всему, чему быть надлежало, . . . и чего нѣтъ на свѣтѣ. Весьма малой достатокъ отца моего истощался вседневно. Сестра моя вышла за дворянина, которой не будучи богатъ, наслаждался спокойнымъ состоянїемъ. Съ жизнїю возрастала

растала въ душѣ моей отвращенїе къ тому, что называется наукою дѣлать свое щастїе. Можетъ быть, я и съ лишкомъ разборчивъ былъ въ способахъ снискивать благополучїе, и я думалъ, что друзья мои, [ибо въ нихъ я почти вѣровалъ], порадуются, видя во мнѣ сїе благородное свойство. Я старался заслужить ихъ доброе обо мнѣ мнѣнїе, которое они мнѣ съ лишкомъ и изъявляли; а особливо старался я заслужить собственное мое о себѣ самомъ удовольствїе, которое, казалось мнѣ, стоитъ не менѣе другихъ. Въ знатнѣйшїе домы входъ мнѣ былъ отворенъ. Я ничего не скажу вамъ о женщинахъ. Я на нихъ менѣе жалуюся, нежели на мущинъ: онѣ умѣютъ и самыя величайшїя свои недостатки украшать прїятностями; легкомыслїе ихъ и вѣтреность извиняютъ ихъ прелестьми; по крайней мѣрѣ имѣютъ они наружной видъ человѣчества и кротости, которой исправляетъ то, чемъ худыя дѣла ихъ возмущаютъ. Еще любилъ я другую мечту. Думалъ я, что будучи богату, не надлежитъ вкушать и знать инаго щастїя, какъ только то, чтобъ быть другимъ полезну и дѣлать благодѣянїя.

Я увидѣлъ, что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ подумать надобно было о моемъ состоянїи; примѣ-

примѣчалъ ужѐ я, что нещастїе ко мнѣ весьма приближается. Сказывали мнѣ, что я имѣю нѣкоторыя дарованїя, и что мнѣ не трудно преодолѣть нещастную мою судьбину. Что мнѣболѣ вамъ сказать, государь мой? Я дожилъ ужѐ до той минуты, въ которую люди представились моему взору въ прямомъ своемъ видѣ. Отецъ мой увѣдомилъ меня, что онъ потерявъ свой искъ, совѣршенно раззорился; ибо въ защищенїе свое имѣлъ онъ одну только справедливость. Мнѣ не было нужды привлечену быть должностїю къ тому, къ чему влѣкло меня сердце мое. Нѣсколько лѣтъ удавалось мнѣ имѣть случай доставлять честнымъ образомъ вспоможенїе отцу моему въ убожествѣ. Онъ былъ бѣденъ, и тѣмъ самымъ сталъ еще любезнѣе, еще милѣе сердцу моему. Я произносилъ священное имя родителя съ почтенїемъ и горячностїю. Имѣя входъ къ знатнымъ боярамъ, ласкался я привести ихъ къ сожалѣнїю. Не стыдясь своимъ состоянїемъ, и не имѣя той смѣшной гордости, которою иногда нещастные заражаются, открылъ я имъ мое злое состоянїе; представлялъ я имъ почтенную старость и слезы отца моего. Они обѣщали мнѣ помочь съ видомъ милостиваго снисхожденїя; открыли мнѣ всю выш-

пышность, всю надменность покровителей, мнѣ, которой бы думалъ ихъ тогда унизить, естьли бъ столь я былъ презрителенъ, чтобъ могъ согласиться имѣть ихъ покровителями. Безразсудной! я любилъ ихъ, а любить тѣхъ не льзя, съ которыми щитаешь себя внутренно неравнымъ; ибо безъ равенства ни дружба, ниже веселіе въ сообществѣ быть не можетъ. Сіи придворные рабы имѣютъ еще другихъ рабовъ сто разъ безчеловѣчнѣйшихъ, нежели ихъ недостойные милостивцы, и они то заставили меня узнать прямое нещастіе и униженіе. Сіе первое испытаніе возмутило духъ мой. Возможно ль тому повѣрить что нѣкогда одинъ изъ сихъ боярскихъ тварей, услыша мою жалобу, на лютое мое состояніе сказалъ такимъ же тварямъ: *жаль бы мнѣ было, естьли бъ этотъ человѣкъ здѣлалъ свое щастье. Онъ съ жалобами своими очень забавенъ; и это самое даетъ такую силу его воображенїю, которая производитъ прїятные замыслы.* Не хотя быть позорищемъ, ни пищею жестокїя праздности сихъ лютыхъ тунеядцовъ, думалъ я найти въ ученыхъ людяхъ то, въ чемъ мнимые ихъ меценаты мнѣ отказали. Сіи учители людей, говорилъ я самъ себѣ, должны имѣть всѣ добродѣтели; они всеминутно оныя превозносятъ;

на театрѣ придаютъ они имъ всѣ прелести разума, всю силу остроты: чегожъ надѣяться не льзя отъ тѣхъ Философовъ, отъ тѣхъ мудрыхъ, кои заняты только щастїемъ человѣчества, которые сему имяни посвящаютъ всѣ свои разсужденїя, всѣ свои сочиненїя? Я шелъ къ нимъ съ благородною довѣренностїю; я пролилъ предъ ними слезы; но слезы мои были безплодны. Съ прискорбностїю увидѣлъ я, что разумъ есть обманщикъ прїемлющей на себя всѣ виды; что сїи хвалители добрыхъ дѣлъ были наѣмники, кои смѣялись тому тихо, что въ слухъ другимъ проповѣдывали: что, словомъ, были они суровы по принятому правилу; что все, кромѣ принадлежащаго до ихъ самихъ, до ихъ славы и корысти, дѣлали они не слѣдуя тому законодательству и той премудрости, которой въ книгахъ своихъ научали; что сами они терзаются завистїю суетою и самолюбїемъ. Два рода людей представились мнѣ совсѣмъ обнаженны. Не могу того сказать, кто изъ нихъ былъ свирѣпѣе. Претерпѣлъ я отъ обѣихъ несказанныя суровости. Сердце мое чрезмѣрно уязвлѣно было; а сїи столь глубокїя, столь живыя раны, умножаются у нещастныхъ до безконечности. Въ разсужденїи богатыхъ,... при сей единой мысли бѣшенство

мое

мое возгарается: они вдались совершенно всѣмъ порокамъ, всѣмъ злодѣяніямъ; одно ихъ безстыдство можетъ только равнятъся съ ихъ безчеловѣчіемъ. Они ужѐ и не берутъ труда скрывать окаменѣлость душъ своихъ, вмѣсто того, что знатные бояря стремятся украсить свое жестокосердїе наружною ласкою. Кажется, что богатой престаетъ тотъ же часъ быть человѣкомъ; и зрѣлище можетъ быть самое пріятнѣйшѣе и самое приманчивое для сихъ подлыхъ любимцовъ фортуны, есть не иное что, какъ страданїе и слѐзы нещастнаго. Такъ, государь мой, нѣтъ такія лютости и между свирѣпѣйшихъ звѣрей: и естьли нещастной захочетъ иногда имѣть отраду своей горести, имѣть въ бѣдственномъ состоянїи утѣшенїе, то пусть бѣжитъ онъ сообщества богатыхъ, пусть лучше надѣется онъ помощи отъ послѣдняго изъ убогихъ. Они хотя объ немъ понужатъ, тѣмъ его утѣшатъ, и остановятъ нѣсколько сердечныя слѐзы.

Никто мнѣ сказать того не дерзнетъ, чтобъ я не видалъ въ прямомъ видѣ тѣхъ чудовищъ, коихъ богатство ожесточаетъ. Сколь много я ихъ ненавижу! Сколь много я гнушаюся ими! Мѣщаня могъ ли бы думать, могъ ли бы чювствовать, естьли бы имѣ-

ли они довольно силы освободить себя от того подражанія, которое дѣлаетъ ихъ обезьянами знатныхъ бояръ, и вкореняетъ въ нихъ склонность къ роскоши, умерщвляющей чювствіе честности. Они заняты бываютъ однимъ своимъ щастіемъ; ибо въ немъ щитаютъ они всю свою славу, удовольствіе, и самое существо свое: доходами своими исчисляютъ они степень своего блаженства и чести и живутъ не зная какъ прямо человѣкъ жить долженъ. Бѣдствіе мое извѣстно было не многимъ людемъ сего состоянія, которое изъ всѣхъ могло бы почитаться первымъ, есть ли бъ только въ немъ слѣдовали люди одной естественной добротѣ сердца своего. Что же надлежитъ до простаго народа, то оной есть ничто иное, какъ одушевленная грязь. Онъ ведетъ себя по одной своей корысти. Не трудно понять его грубую механизму. Онъ плачетъ о судьбѣ нещастнаго, и въ ту самую минуту произаетъ его сердце, есть ли смертію его можетъ достать онъ полушку болѣе того, что онъ выработываетъ. Наконецъ перешелъ я всѣ состоянія, стараясь найти человѣка: сіе чувствительное сердце, говорилъ я самъ себѣ, найду я конечно между тѣми, кои исторгнувъ себя отъ суетъ свѣтскихъ, проповѣдуютъ вѣру въ Бога благотворительнаго, кои всечасно предстоя олтарю господню

испол-

исполняются чистымЪ духомЪ христіан-ства. Сей послѣдней ударЪ мнѣ еще былЪ предоставленЪ. ВЪ нихЪ то самыхЪ не на-шелЪ я нималаго чювствованія; вЪ нихЪ то нашелЪ я прямое жестокосердіе. Бла-гочестивое безчеловѣчіе есть лютѣе всѣхЪ прочихЪ. Я получилЪ отЪ никЪ утѣше-нія жесточайшія всѣхъ обидЪ на свѣтѣ. Какое сострданіе ложныхЪ богоугодни-ковЪ! Тогда вЪ отчаяніи исполнясь мрач-ною яростію, упалЪ я на колѣна предЪ отцомЪ моимЪ . . . Дражайшій мой роди-тель! говорилЪ я ему: мы оба погиба-емЪ! Я ласкалЪ себя надеждою, что молодость моя тебѣ полезна будетЪ; вся моя надежда исчезла, всѣ сердца для слезЪ моихЪ затворились, и они для тебя толь-ко проливаются. Любезной и почтенной мой родитель, что сЪ тобою будетъ? Что у-годно Всевышнему, отвѣтствовалЪ онЪ мнѣ: я безЪ жалости разстаюся сЪ жизнію. Ско-ро скончаю я мое теченіе. Ты, сынЪ мой, ты слезы мои извлекаешь; жизнь моя, все щастіе мое вЪ тебѣ я полагаю, и я умираю оставляя тебѣ вЪ наслѣдство мои слезы и нещастіе! ДумалЪ ли я, дражай-шій сынЪ мой, чтобЪ люди были толь нечувствительны! - - Не безпокойся моею судьбиною: старайся сохранити жизнь свою, которую почитаю я моею, и оставь меня на

берегу

берегу бездны, въ которую низринусь я безъ сожалѣнія, естьли вышнѣе существо тѣмъ смягчиться можетъ, и зделаетъ тебя на сей земли благополучнѣе. По сихъ словахъ обнялъ онъ меня рыдая, прижалъ къ своей груди ... Ахъ! Государь мой, сіе до нынѣ не выходитъ изъ памяти моей.

Тщетно сказывать вамъ о всѣхъ тѣхъ униженныхъ предпріятіяхъ, на кои снисходить я принужденъ былъ; тщетно изображать вамъ терзавшую меня печаль, которая меня отчасу болѣе повергала въ нещастіе. Я видѣлъ только отца моего, и его злополучіе. Онъ одинъ поражалъ взоръ мой. Онъ одинъ основаніемъ былъ всему что я ни начиналъ дѣлать. Въ посредственномъ моемъ состояніи дѣлалъ я множество услугъ тѣмъ, коихъ считалъ я своими друзьями; едва сталъ я имѣть одинъ только видъ нещастія, какъ всѣ мои друзья исчезли, и явили въ себѣ людей неблагодарныхъ, и враговъ устремившихся на пагубу мою и отца моего. Одинъ способъ намъ еще остался. Зять мой любилъ сестру мою, которая отъ отца моего имѣла многіе знаки нѣжнѣйшей любви его. Я ни мало не сомнѣвался, чтобъ она не уговорила своего мужа помочь намъ въ убожествѣ, которое гото-

во было насЪ обременить. Сїе мое намѣренїе скрылЪ я отЪ отца моего; я спѣшилЪ кЪ сестрѣ моей. Она приняла меня сЪ холодностїю, которую дружество мое не допускало меня вЪ ней сперва примѣтить; я сообщилЪ ей причину моего прихода. При всякомЪ словѣ лице ея теряло черты прежнія привязанности и дружбы; не чувствительность ея измѣняла ей, и распространялась на челѣ ея. Она отвѣчала мнѣ, что мужЪ ея строится, что у нихЪ дѣти. Батюшка, говорила она, поступилЪ со мною не справедливо; онЪ дѣлалЪ одолженїя сродникамЪ, друзьямЪ, кои нынѣ насЪ богатѣе. Пусть ищетЪ онЪ у нихЪ вспоможенїя, а ты имѣя дарованїя, какЪ ты до сихЪ порЪ никакого не имѣешь мѣста? Ты о своемЪ щастїи видно никогда старанїя имѣть не будешь. — Я никогда не буду имѣть толь каменнаго сердца, вскричалЪ я, сердца сестры безчеловѣчной: прости злодѣйка, отецЪ твой умираетЪ вЪ бѣдности! и ты его умирать оставляешь, ты, которую онЪ любилЪ такЪ много. Бойся, чтобЪ дѣти твои не наказали тебя за твое преступленїе. Ты меня во вѣки не увидишь. . . Я ничего себѣ не просилЪ у тебя, сестра неблагодарная; я просилЪ для . . . ВЪ ту минуту выбѣжалЪ я изЪ сего проклятаго дому, не вЪ состоянїи отЪ слезЪ

ни

ли слова промолвить. Я хотѣлъ скрыть отъ отца моего сiю новую причину печали; но сердце мое ею обремѣненно было, и она неволею изъ устъ моихъ излѣтѣла. Знаешь ли, дражайшiй мой родитель, говорилъ я ему, за чемъ на нѣсколько дней я отъ тебя отлучался!... Я думалъ, что ты имѣешь еще дочь, что я сестру еще имѣю; но нѣтъ, я нашелъ безчеловѣчное чудовище... Она... она отказала мнѣ въ малѣйшемъ вспоможенiи, и она тебѣ должна жизнiю и своимъ состоянiемъ! Любезной сынъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнiя верьхъ нашего нещастiя состоитъ въ томъ, чтобъ презрѣнну быти отъ тѣхъ, которые жизнь свою отъ насъ получили; но Богъ мой и ты, продолжалъ онъ говорить проливая горькiя слезы, примете послѣднѣе мое издыханiе!.. Надобно простить сестрѣ твоей. Она зависитъ отъ мужа, и дѣти ея... Увы! говорилъ я, сiе то самое и должно заставить ее почувствовать всѣ твои права!

Все сiе ничто въ сравненiи тѣхъ золъ, кои случилися потомъ... Отца моего, моего нещастнаго отца повлекли въ тюрьму. Я бросился на шею неупросимаго заимодавца; онъ оттолкнулъ меня съ лютостiю, а я не изторгнулъ изъ него жизни! Нещастiе дѣлаетъ насъ каменными; а бѣдствiе отца

моего исполняло всю мою чувствительность. Я былъ поражен оною. Я просилъ вспоможенія самаго малаго, самаго священнаго, но и въ томъ и другомъ мнѣ было отказано. Я продалъ все, что я имѣлъ. Наконецъ, государь мой, представьте вы себѣ ужасное изображеніе, представьте отца моего въ тюрмѣ, умирающаго въ нищетѣ, неимѣющаго иныя надежды, кромѣ своего нещастнаго сына, сына цѣлымъ свѣтомъ оставленнаго всего лишившагося, окруженнаго чудовищами . . . Я . . . я будучи благородно рожденны . . . имѣя душу удаленную отъ всякой низкости . . . Но дѣло состояло въ спасеніи старика, котораго послѣднѣе воздыханіе казалось мною однимъ и удерживаемо было . . . Я принесъ себя на жертву, смирилъ себя, услышалъ гласъ природы, она мнѣ вопіяла; я для нещастнаго отца моего предпріялъ принять на себя самую низкость . . . при сихъ словахъ плѣнникъ отъ слезъ и воздыханія не въ состояніи былъ перевести духа. Великодушной Агличанинъ, продолжалъ онъ, повѣришь ли ты сему, что я приведенъ былъ жестокосердіемъ людскимъ къ тому, чтобъ просить милостыню нещастному отцу моему. Я ожидалъ ночи, и гласомъ отъ слезъ ослабѣвающимъ, гласомъ мрачнымъ, произношеніемъ нестерпимыя печали, просилъ

я

я милости у тѣхъ чудовищъ, которыхъ грудь я растерзать хотѣлъ.

По окончанїи сихъ послѣднихъ словъ, Сидней, проливая слезы, обнялъ плѣнника:

Ахъ! сколь любезно твое сердце, говорилъ ему Сидней, сколь достоинъ ты друзей! Я, продолжаетъ незнакомой, щиталъ собранную милостыню, какое слово! Я ее щиталъ, и при всякомъ подаянїи отрывалась часть моего сердца. Толь малымъ и толь постыднымъ вспоможенїемъ, могъ я по крайней мѣрѣ остановить послѣднѣе издыханїе отца умирающаго. Я не довольно еще былъ нещастливъ, не довольно бѣдностїю замученъ: меня взяли подъ караулъ какъ человѣка, который проситъ милостыню, лѣняся работать; я кричалъ тиграмъ меня окружающимъ. Я для отца моего. . . для отца моего снизшелъ на такую низкость; онъ въ тюрьмѣ, и жизнь его зависитъ отъ моея поспѣшности подать ему вспоможенїе. Ради человѣчества . . . . Но меня неслушали, и кинули меня въ нѣкоторой родъ подземельной тюрьмы. Я требовалъ, чтобъ меня отвели къ судьѣ; привели меня къ нему. Сперьва принялъ онъ на себя видъ суровой, и допрашивалъ меня какъ строгой судїя. Увы, государь

мой, говорилъ я ему, вамъ сказали правду . . . Я просилъ милостыню, и конечно не созданъ я быть въ семъ низкомъ состоянїи; я человѣкъ благородной, и можетъ быть умѣлъ бы умереть лутче другаго . . . Но мой отецъ въ крайней теперь бѣдности, онъ въ тюрьмѣ, и для него хожу я по-миру, хожу для моего родителя . . . Судья сжалился, велѣлъ меня выпустить, и обѣщалъ мнѣ свою помощь: но онъ умеръ самъ, и я потерялъ всю мою надежду. Наконецъ старость отца моего была его избавительницею. Законы отверзли ему двери темницы. Онъ изъ нея вышелъ. Я досталъ себѣ на купеческомъ кораблѣ мѣсто, которымъ я самъ на силу могъ прокормить себя. Первое мое чувствїе было безъ сомнѣнїя къ отцу моему. Я взялъ его въ мои объятїя, и отвелъ на корабль. Пойдемъ, говорилъ я ему, дражайшїй и нещастной мой родитель, оставимъ сїю злодѣйскую землю, оставимъ дикихъ Европейцовъ. Можетъ быть Азискїе тигры не будутъ столько люты. Когда я самъ себя пропитать могу, ты можешь еще жить . . . Увы! кромѣ тебя единова друзей у меня нѣтъ; забудемъ и самое имя моего отечества; нещастнымъ неприлично любить . . . .

Я расказалЪ только одну часть моего бѣдствія: сердце мое испытало еще другія и безЪ сомнѣнія жесточайшія, есть ли исключить тѣ, кои чувствовать заставило меня состояніе отца моего. Нещастныя имѣютЪ душу способнѣйшую, нежели благополучныя, кЪ почувствованію нѣжности; нещастіе влечетЪ за собою ужасную тоску, которая есть, такЪ сказать, мать страстей жесточайшихЪ;.. и такЪ имѣлЪ я дерзновеніе влюбиться. Я не скажу вамЪ тѣхЪ обстоятельствЪ, кои мнѣ удалять надлежитЪ. Я влюбился вЪ молодую дѣвицу, которая была одна у своихЪ родителей, и ожидала вЪ разсужденіи богатства такой судьбины, которая запрещала мнѣ мыслить о томЪ, чтобЪ когда нибудь могЪ я быти ея мужемЪ. РазсудокЪ, честность молчать мнѣ повелѣвали, и запрещали питать склонность, которую и вселять мнѣ не надлежало. Не внималЪ я ни разсудку, ни моему состоянію, внималЪ единой страсти. Юлія (такЪ называлась моя любовница) предупредила нѣкоторымЪ образомЪ мое открытіе, и мы сказали другЪ другу о любви нашей, не помышляя о слѣдствіяхЪ. Любовь прерывала мои слезы; и помогала мнѣ сносить бремя моей жизни. Сія одна была тайна, которую скрывалЪ я отЪ моего родителя. РодственникЪ

ся примѣтилъ нашу страсть; молодые люди не много умѣютъ притворяться. Онъ требовалъ, чтобъ я съ нимъ поговорилъ наединѣ. Государь мой, говорилъ онъ мнѣ, я начну разговоръ мой такою довѣренностїю, которая васъ раздражить не можетъ. Я почитаю васъ достойнымъ почтенїя всѣхъ честныхъ людей. Видъ вашъ и природа привлекаютъ каждаго взять вашу сторону, Я примѣтилъ къ вамъ склонность моей племянницы: я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не имѣли души нѣжной и просвѣщенной въ разсужденїи должностей налагаемыхъ на насъ честїю: вы очень бѣдны; а племянница моя ожидаетъ со временемъ . . . . Довольно, Государь мой! перервалъ я рѣчь его съ живостїю, вы предписываете мнѣ должность мою: вы показываете мнѣ мои нещастїя, и вы меня узнаете. Я бѣжалъ потомъ написать слѣдующѣе письмо къ Юлїи въ сїю самую минуту, когда оставлялъ я съ отцомъ моимъ ту часть свѣта, гдѣ любовь моя осталась.

„ Я люблю тебя, дражайшая Юлїя, и
„ никогда другаго къ тебѣ чувства имѣть
„ не буду. Чрезмѣрная любовь моя изви-
„ нитъ меня передъ тобою въ томъ, что
„ открылъ я тебѣ сердце, которое дол-
„ жно

„жно быть исполнено единою прискорб-
„ностїю о томъ, что не могу владѣть
„тобою. Я бѣденъ: не хочу имѣть сует
„ности говоря съ тобою. Я нещастнѣйшей
„въ свѣтѣ человѣкъ, слѣдственно и не-
„льзя быть мнѣ твоимъ мужемъ. Забудь
„меня, владычица души моей ... Ахъ что
„я говорю? но мнѣ сказать то надобно:
„извлеки, любезная Юлїя, извлеки образъ мой
„изъ своего сердца, здѣлай благополучными
„своихъ родителей, и того ... которо-
„му щастье велитъ быть въ твоихъ объ-
„ятїяхъ. Я ѣду, оставляю Европу ... по-
„кидаю Юлїю. Не старайся вѣдать, что
„со мною будетъ тамо, куда влечетъ
„меня нещастье. Естьли буду я имѣть
„силу жить еще на свѣтѣ, то мнѣ доз-
„волено будетъ имѣть и душу мою на-
„полненную тобою: послѣ Юлїи кто мною
„владѣть можетъ? Прости ... прости..
„еще тебя прошу, забудь меня, сего
требуетъ должность твоя, моя честь ...
твое щастїе.

Письмо сїе орошенно было моими слѣ-
зами. Я хотѣлъ еще много къ нему при-
бавить, ... наконецъ поѣхалъ я съ
отцомъ моимъ, которой соединилъ въ
себѣ всю мою горячность, всѣ мои стара-
нїя, и уже во время сего путешествїя при-

знался я ему въ нещастной моей страсти. Отецъ мой былъ мнѣ другъ: онъ пролилъ вновь слезы о моей судьбинѣ. Мы окончали нашъ путь. Одинъ изъ злодѣевъ влекомъ будучи единою своею злобою, лишилъ меня моего мѣста; и я впалъ въ ужаснѣйшую нищету. Я вопїялъ о помощи, предъ всѣми проливалъ горькїя слезы, всѣ видили почтенную старость отца моего, никто не тронулся отверзтымъ его гробомъ, всѣ очи свои отъ меня отвратили; всѣ сердца окаменѣли. Нѣтъ на земли человѣчества. Индѣйскїя чудовища столько были люты какъ и Европейскїя. Наконецъ остались мы въ пещерѣ на берегу моря. Тамо бѣдность, тамо голодъ терзали моего нещастнаго отца. Я лобызалъ его, держалъ въ моихъ объятїяхъ, призывалъ на момощь природу; обновлялъ жизнь его нѣкоторыми травами, изъ коихъ сокъ выжималъ я на изсохшїя и умирающїя уста его. Я увидѣлъ его испускающаго послѣднїя воздыханїя. Скоро отчаянїе, бѣшенство овладѣли всѣми моими чувствами. Я выбѣжалъ изъ пещеры; ярость духъ мой исполнила. Вдругъ увидѣлъ я Индѣйцовъ сражающихся съ Европейцами, сїи то особливо возобновили мою къ себѣ ненависть и отвращенїе. Я зналъ, что они считаютъ себя просвѣщенными воспитанїемъ, знаю-

щими

щими долгЪ естественной; и первыми людьми... Вы свидѣтели были моего бѣшенства, моего изступленія: я хотѣлъ разрушить всю природу... отецЪ мой конечно умерЪ... умерЪ конечно сЪ голоду... АхЪ для чего спасли вы жизнь мою? Дайте избавиться мнѣ отЪ сего несноснаго бремяни: вы знаете теперь всѣ мои нещастія. КакЪ мнѣ облегчить ихЪ, какЪ не умереть мнѣ! Ты кажешся мнѣ не похожЪ на людей, на сихЪ варваровЪ; кажется, знаешь ты сожалѣніе: оставь умереть меня, ты большаго благодѣянія здѣлать мнѣ не можешь....

Я не допущу умереть тебя, вскричалЪ Сидней, обнимая ево; ты нашелЪ теперь сердце, нашелЪ друга: не думай, чтобЪ всѣ люди были безчеловѣчны; ты увидишь, что есть изЪ нихЪ нѣжные и чувствительные. Я хочу быть тебѣ вмѣсто отца.... Скажи мнѣ свое имя... СиллїемЪ называюсь я. Любезной Силли, ты будешь моимЪ сыномЪ... АхЪ! дражайшей благодѣтель! отецЪ! отецЪ мой:.. но увы? ужЪ нѣтЪ его на свѣтѣ.

Сидней удвоилЪ старанїе свое к горячность возвратить сему нещастному жизнь, которой онЪ избѣжать старался: ужѐ два дни здоровье его укрѣпляться начинало:

пойдемъ, говорилъ ему Сидней, *я хочу* помирить тебя съ родомъ человѣческимъ; пойдемъ, другъ мой. подай мнѣ руку. Онъ повелъ его къ ближнему шатру. Какое зрѣлище! дражайшей родитель! тебя ль я обнимаю, вскричалъ Силлій! Приключеніе сіе таково было, каковыхъ описать не возможно. Силли упалъ на шею старика, которой ничего произнести не могъ кромѣ сихъ словъ: о сынъ мой! любезной сынъ мой! То обнималъ онъ его, то лобызалъ Сиднѣевы руки. Ты мнѣ сына возвращаешь, великодушной чужестранецъ; ты одну душу другой возвращаешь! Наслаждайся симъ зрѣлищемъ. Оно самихъ боговъ достойно: оно пріятное дѣло твоего благотворенія. Силлій отверзаетъ очи! *Любезной родитель, я* еще тебя вижу, ты живешь!... *Я* былъ столько щастливъ, говорилъ Сидней, что могъ подать тебѣ сей знакъ моего дружества. *Я* самъ ходилъ въ ту пещеру, о которой ты мнѣ сказывалъ; я нашелъ тамъ почтеннаго твоего родителя въ рукахъ одного Баніанца, которой укрѣплялъ ослабѣвшія его силы, и которой принесъ ему пищу. Ты видишь, что въ Индіи есть люди. *Я* велѣлъ его перенести сюда. Живите оба, чтобъ меня любить... чтобъ обожать тебя, какъ перваго нашего благодѣтеля, перервалъ старикъ...

Такъ, сынъ мой, говорилъ онъ Силлїю; я ему долженъ за жизнь и за то удовольствїе, которое имѣю я тебя объемля; я умиралъ; я открылъ глаза, искалъ тебя; незнакомой человѣкъ предстоялъ мнѣ. Онъ лилъ мнѣ въ уста питїе духъ мой оживившее; онъ далъ мнѣ пищу, силы мои утвердившую: но я не видалъ еще тебя любезной сынъ. Вотъ второй жезлъ моея старости, продолжалъ онъ говорить простершись къ Сиднѣевымъ ногамъ. Что ты дѣлаешь, сказалъ великодушной нашъ согражданинъ? Я васъ гораздо благополучнѣе; я одолжаю два честныя сердца; почитайте меня съ сихъ поръ за вашего вѣрнаго друга. Агличане, говорилъ онъ съ ласковою усмѣшкою, не всегда непрїятели Французамъ.

Силлїй съ отцомъ своимъ не находили довольно словъ къ выраженїю своея благодарности. Когда видѣли они Сиднея, когда съ нимъ говорили они, тогда давали волю слезамъ своимъ, симъ прїятнымъ слезамъ, кои считаются сердечной данїю. О Сидней благополучной! Сколь много ты сего щастїя достоинъ! Я ничего еще не здѣлалъ, друзья мои, сказалъ онъ имъ однажды; не довольно того, что сохранилъ я вамъ жизнь вашу; но надле-

житЪ, чтобЪ вы мнѣ же должны были за то состоянїе, безЪ котораго жизнь наша есть бремя. Дѣло мое дошло только до половины, и я стремлюсь его окончить. Не сказывалЪ ли ты мнѣ, говорилЪ онЪ молодому Силлїю, что любишь ты дѣвицу достойную твоея преданности? Любовь, отвѣчалЪ тотЪ, Любовь должна умереть вЪ сердцѣ моемЪ; я не хочу имѣть другаго чувствїя, другїя страсти, другаго бытїя, кромѣ единыя благодарности. Пусть она исполнитЪ мое сердце, которое одно не довольно еще за все то, чемЪ я тебѣ обязанЪ. Любезной сынЪ, отвѣтствовалЪ Сидней, ибо я равно тебя сЪ отцомЪ твоимЪ люблю, я повторяю тебѣ то, что хочу я здѣлать тебя благополучнымЪ; а можешь ли ты быть щастливЪ не владѣя тѣмЪ, чѣмЪ ты страстенЪ? Вѣдай, что я самЪ узналЪ нѣжность, и прелести ея, и мученїя. Я возвращаюся вЪ Европу; поѣду вЪ ПарижЪ, и поѣду туда сЪ вами.

Они оставили Индїю. Видя старанїе и благодѣянїе Сиднѣево кЪ симЪ ФранцузамЪ, всякой подумать могЪ бы, что старикЪ его отецЪ, а Силли братЪ его. Часто Сидней примѣчалЪ, что сей послѣдней взиралЪ на-море тоскуя и проливая слезы.

слёзы. Образъ Юлiи въ душѣ его сильнѣе возобновлялся. Чѣмъ ближе становился онъ къ отечеству, тѣмъ больше терзалось его сердце. Куда я ѣду, говорилъ онъ самъ себѣ? Быть свидѣтелемъ щастiя другаго, которой Юлïею владѣетъ, и которой любимъ ею? Не должно ли мнѣ было на вѣкъ отъ Францïи удалиться? Не долженъ ли я былъ послѣдовать за моимъ благодѣтелемъ въ Англïю? Имѣю ль я отечество другое?... Какъ! Я не могу бѣжать отъ тѣхъ береговъ, которые должны быть мнѣ ненавистны? Я хочу видѣть Юлïю? Но къ чему сïе нещастной? Развѣ не усталъ ты еще отъ бѣдствïй? Какое бѣшенство влечетъ тебя къ смертельному удару тебя ожидающему?... А естьли Юлïя не за мужемъ... могу ли я быть ея супругомъ? Мнѣ ли во зло употреблять Сиднѣевы милости? То ли благодарность, чтобъ искушать вновь его благодѣянïи? Онъ произнесъ въ слухъ сïи послѣднïя слова. Нѣтъ, говорилъ ему Сидней, котораго онъ не видѣлъ за собою. Нѣтъ, ты не долженъ боятся обременить дружбу такого человѣка, котораго вы же одолжили, подавъ ему способъ доказать свою чувствительность. Такъ ты, вскричалъ Силлïй съ восхищенïемъ, такъ ты небесное созданïе! Я вашъ другъ, отвѣтствовалъ Сидней.

Они пріѣхали въ Парижъ. Влюбленной смертно Силли полетѣлъ къ Юліиному жилищу; сказали ему, что умеръ отецъ ея, что всѣ дѣла ихъ сильно разстроены, и что Юлія съ матерью своею живетъ въ крайнемъ убожествѣ, и въ жилищѣ неизвѣстномъ. Онъ сталъ о нихъ навѣдываться; узналъ мѣсто ихъ уединенія. Какой видъ явился его взору! Юлія, дражайшая его Юлія, въ бѣднѣйшемъ одѣяніи работаетъ для продолженія нещастной своей жизни, и жизни своей матери. Ахъ, дражайшая Юлія, вскричалъ Силли упавъ къ ея ногамъ! . . . . Она узнала своего любовника, вскричала, и упала въ руки своея матери, которая стала неподвижна отъ радости и удивленія. Это ты! Говорила она ему! Въ какомъ состояніи ты насъ находишь! Я увидѣлъ васъ, перервалъ Силлій, достойнѣйшими моего почтенія и обожанія. Какъ! и любезная Юлія стала жертвою нещастія?

Между тѣмъ Юлія опомнилась. Невозможно изобразить восхищеніе двухъ сердецъ пронзенныхъ любовію нѣжнѣйшею и жесточайшею, соединяемыхъ еще болѣе узами нещастія. Мать и дочь расказали Силлію всѣ свои бѣдствія. Оставленныя своими родственниками, вверженныя въ

прямую нищету, не имѣли они такова человѣка, которой бы тронулся ихъ слезами. Иногда говорили они о Силлїй, и сїе имя услаждало ихъ горесть; увы! говорила Юлїя! естьли онъ живъ, то сердце его конечно нами исполнено; онъ почитае ъ меня благополучною. Ахъ Силлїй! присудствїе твое велитъ забывать намъ наше горестное состоянїе. Ты видишь, что руки мои должны работать для сохраненїя жизни моей матери и собственной моей, которая нужна ей. Я вижу говорилъ Силлїй, что Юлїя въ нещастїи стократно прекраснѣе, почтеннѣе, и обожанїя моего достойнѣе. Ахъ! любезные друзья, простите мнѣ за мои душевныя выраженїя; такъ есть на свѣтѣ такїя существа, на коихъ судьбина весь гнѣвъ свой изливаетъ! непостижимой рокъ! серце мое есть сердце ваше; такъ, я отру слезы очей вашихъ . . . извлеку васъ изъ сего ужаснаго состоянїя.. Онъ бросился къ отцу своему, которой былъ съ Сиднѣемъ. Родитель, великодушной другъ . . . Я нашелъ Юлїю нещастную, прекраснѣйшею и любви достойнѣйшею.. онъ расказалъ имъ о ихъ злополучїи; изобразилъ имъ лїющїяся ихъ слезы, къ которымъ и свои онъ соединилъ. Пойдемъ другъ мой, перервалъ Сидней рѣчь его съ поспѣшностїю, удали отъ себя толь плачевное

чевиое изображенïе. Твое намѣренïе не вЪ томЪ ли состоитЪ, чтобЪ имѣть Юлïю твоею супругою? Супругою, отвѣтствуетЪ Силлïй; я хотѣлЪ бы возвести ея на тронЪ всея вселѣнной, естьли бЪ я самЪ былЪ толико щастливЪ; но какЪ судьбы наши соединиться могутЪ? . . . О небо! мы иныхЪ союзовЪ и знать не должны, кромѣ единаго нещастïя. АхЪ, естьлибЪ хотя могЪ я извлечь ея изЪ сего горестнаго состоянïя! . . . Но вЪ чемЪ ты сомнѣваешся, отвѣчалЪ почтенной нашЪ согражданинЪ? развѣ забылЪ ты, что Сидней тебѣ другЪ? Естьли ты ея увидишь, великодушной благодѣтель, естьли увидишь ты Юлïю, ты узнáешь все достоинство, все владычество нещастïя.

Сидней ужиналЪ сЪ Силлïемъ и сЪ отцомЪ его: то онЪ ихЪ объемлетЪ, то взираетЪ на нихЪ сЪ видомЪ той преданности, которая составляетЪ душу дружества. Вспомните, говорилЪ онЪ имЪ, взявЪ ихЪ зá-руки, что вы меня обязываете; я могу быть полезенЪ честнымЪ людямЪ! что сего благополучнѣе! и я вамЪ долженЪ ... любите меня; не скрывайте отЪ Сиднея сердецЪ вашихЪ, его предЪ вами отверсто будетЪ вѣчно. ВЪ Англïи, говорилЪ онЪ старику, имѣть ты будешь нѣжнаго и почтительнаго сына, а ты, любезной

безной Силлїй, вѣрнаго брата и ревностнаго друга. Прежде нежели онъ ихъ оставилъ, держалъ онъ стократно обѣихъ въ своихъ объятїяхъ, и проливая слезы, говорилъ имъ: какое удовольствїе вы заставили меня чувствовать! На другой день какъ готовились они итти къ своему благодѣтелю, Силлїй получилъ слѣдующѣе письмо:

„ Дѣла мои зовутъ меня въ отечество; „ я отъѣжжаю друзья мои оставляя вамъ „ нѣкоторые знаки той дружбы, которую „ я сохраню до гроба. Къ тебѣ юной Силли, обращаю теперь рѣчь мою, ты благоразуменъ, наученъ нещастїемъ тебѣ легче будетъ стать разсудительнымъ и узнать цѣну той посредственной жизни, „ въ которой можно истинныя чувствовать „ веселїя сохраняя добродѣтель. Будь ты „ супругомъ Юлїи; живи съ отцомъ „ своимъ и другомъ; составьте вы честную „ семью, которая послужитъ примѣромъ „ всѣмъ людямъ. Я просилъ бы тебя повести меня къ Юлїи: но того опасаюсь; „ чтобъ присутствїе мое не было имъ толь „ непрїятно, сколь ихъ мнѣ чувствительно; „ они нещастны; а нещастїе требуетъ „ уваженїя, которое тебѣ не неизвѣстно. „ Простите, друзья мои, вы обо мнѣ слышать всегда будете, а я васъ всегда

„ любить

„ любить буду, куда бы меня ни завела„ судьбина. Не говорите мнѣ ничего о „ благодарности; я вамъ ею долженъ, „ естьли вы имѣете толь доброе обо мнѣ „ мнѣнiе, чтобъ малыя мои благодѣя„ нiя сочли вы собственнымъ вашимъ бла„ гомъ. Вашъ другъ.

СИДНЕЙ.

PS. Завтра поутру принесутъ къ вамъ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Силли не успѣлъ еще окончить чтенiе письма, какъ принесли къ нему столько денегъ, сколько въ ономъ обѣщано.

Молодой человѣкъ и отецъ его не могли ни слова промолвить отъ радости, удивленiя и благодарности. О божественное сердце! возопiлъ Силли, ты удаляешся отъ нашего обожанiя, отъ слезъ нашихъ! Но ты исполняешь ядомъ всѣ свои благодѣянiи, лишая насъ веселiя простертися къ ногамъ твоимъ; обожать тебя, какъ образъ благодѣтелей . . . Сердца наши послѣдуютъ повсюду за тобою. Душа ангельская! говорилъ старикъ: ахъ любезной сынъ! какого мы узнали человѣка! Онъ не такое существо какъ всѣ люди! Сидней!

Сидней! Мы хотѣли бы отъ благодарности умереть у ногъ твоихъ. . . .

Правда, что естьли нѣтъ такихъ благодѣтелей, каковъ Сидней, то нѣтъ такъ же и толь благодарныхъ и чувствительныхъ сердецъ, каковы были тѣ, коихъ онъ одолжилъ. Можно себѣ представить, съ какимъ восхищенїемъ молодой Силли сказалъ сїю вѣдомость своей любовницѣ; онъ наслаждался щастїемъ дѣлая благополучїе той, которая ему была всего на свѣтѣ дороже; онъ на ней женился, купилъ малую деревню, куда поѣхалъ жить съ отцомъ своимъ, съ женою и съ ея матерью. Каждой день, каждая минута прибавляла ихъ благополучїе и благодарность умножала; онъ благословлялъ вышнее существо и Сиднея во всемъ томъ, чемъ онъ владѣлъ: все воспламеняло его къ своему благодѣтелю.

Часто получали они письма отъ Сиднея, и въ отвѣтахъ своихъ изъявляли ему исполненные нѣжнѣйшимъ чувствованїемъ сердца свои. Сидней ѣздилъ въ другой разъ въ Индїю. Переписку свою не могли они вести съ такою точностїю; и сїи толь чувствительные, толь благодарные люди, возмущались о судьбинѣ своего друга:

та: всѣ Агличане имъ любезны были. Но какой ударъ вдругъ поразилъ ихъ! Они услышали, что Сиднея нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Молодой Силли, и вся семья обременены были жестокою печалїю; старикъ не снесъ толь ужасной вѣсти; онъ занемогъ, и сталъ близъ смерти. Сынъ, окруженной своею женою и дѣтьми, иногда ихъ отъ себя отталкивалъ, и только умереть желалъ. Сиднѣево имя было одно токмо выраженїе его мрачнаго отчаянїя: жена его показывала ему всю семью, которая въ немъ одномъ всю свою надежду полагала. Онъ ожилъ; но для того, чтобъ терзаться лютѣйшею тоскою, и чтобъ искать мѣстъ удаленнѣйшихъ.

Однажды ушелъ онъ въ средину рощи близъ большой дороги. Сидя у тѣни древа, потупя къ землѣ голову, обремененной печалїю и самою смертїю, возопїлъ онъ: . . Сидней! Уже я съ тобою не увижусь! уже не могу имѣть тебя въ моихъ объятїяхъ, я, котораго сердце пронзенно твоими благодѣянїями! Ты словъ моихъ не видишь! Ты слезъ моихъ, ты стѣнанїю всей моей семьи не внемлешь! Гдѣ ты? дражайшей Сидней! Въ объятїяхъ твоихъ, отвѣтсвовалъ нѣкто бросясь къ Силлїю; и сей то былъ самъ Сидней.

ней. — Сидней! . . . Болѣе сего Силли вымолвить не могъ; онъ лишился памяти; а тотъ проливая источники слезъ, говорилъ ему: такъ, любезной Силли, ты видишь своего друга, пришедшаго отъ конца земли наслаждаться зрѣлищемъ дружества, обнять тебя, и дѣлать тебѣ новыя услуги. Я весь мой обозъ послалъ къ тебѣ; а мнѣ сказалъ теперь крестьянинъ, что ты пошелъ въ сей лѣсъ, и я хотѣлъ имѣть удовольствіе привести тебя нечаяннымъ моимъ прибытіемъ въ восхищеніе . . . Силли опомнился . . . — дражайшей Сидней! тебя ль я обнимаю? . . . Поди смотри на то, чему ты сталъ причиною . . . . дѣти мои суть твои дѣти . . . Онъ кликнулъ одного изъ слугъ своихъ, находившагося на большой дорогѣ: — Бѣги скорѣй ко мнѣ . . . мой благодѣтель . . . Пусть отецъ мой, жена, дѣти кинутся къ ногамъ его , . . мой другъ! Какая радость! я тебя обнимаю! . . но почто поразили меня сею ужасною вѣстію? Я скажу тебѣ причину, отвѣтствовалъ Сидней, поспешимъ видѣть твою семью. Они пришли туда почти въ одно время съ крестьяниномъ. Вошли въ покои къ старику; онъ могъ только протянуть руки свои къ Сиднею. — О дражайшей сынъ! мой достойной другъ! — Прекрасная Силліева жена, которой не было

еще

еще двадцати пяти лѣтъ, трое дѣтей, изъ коихъ старшей былъ шести, самъ Силли упали къ Сиднѣевымъ ногамъ; обнимали колена его со слезами: и рыдая не могли они промолвить, кромѣ сего единаго слова. — Дражайшей нашъ благодѣтель! Сидней поднявъ ихъ, обнимая и плача, говорилъ: вотъ зрѣлище, коимъ добродѣтель наслаждается, вотъ ея награда. Любезная Юлїя! любезные дѣти! вскричалъ Силли: вы зрите передъ собою отца своего. Онъ творецъ вашея жизни, вашего щастїя, коимъ вы наслаждаетесь: почитайте его: симъ самымъ почтете вы Бога въ его подобїи . . . О дражайшей Сидней! вкушаешь ли ты радость благотворенїя? питаешся ли ты ея прїятностьми?

Сидней хвалилъ красоту и прелести Юлїины. Она была добродѣтель подъ образомъ любви. Онъ бралъ сихъ младенцовъ, сихъ невинныхъ тварей къ себѣ на-руки: они улыбались съ тою прїятностїю, которая принадлежитъ только къ первымъ прекраснымъ днямъ природы. Старшей, ласкаясь къ нему съ милымъ и приманчивымъ видомъ, говорилъ ему: намъ велѣлъ батюшка всякой день за васъ молиться Богу; и мы отдавъ ему наше сердце, просимъ у него тебѣ долголѣтной жизни . . . ты

такъ

такъ же нашъ отецъ . . . . Какое приношенїе, какое удовольствїе для Геройскїя души нашего любезнаго Британца! легко видѣть можно, что вся Силлїева семья важнѣйшее свое упражненїе полагала въ приношенїи Сиднею своея благодарности.

Нѣсколько недѣль остался онъ съ своими друзьями; старикъ выздоровѣлъ и пришелъ нѣсколько въ бодрость своихъ прежнихъ лѣтъ. Они разсказали другъ другу взаимно дѣла свои: Сидней сказывалъ, что онъ жестоко былъ боленъ, и что щитали его уже мертвымъ; а сїе и было причиною ложному о смерти его слуху. Силли вошелъ въ дѣла съ своимъ благодѣтелемъ: по нашему примѣру взялся онъ за коммерцїю для преобрѣтенїя себѣ приличнаго состоянїя. Онъ былъ Французъ и дворянинъ; однако непостыдился предпочесть сїе состоянїе тому, которое избрали подчиненные твари, изверги переднихъ комнатъ знатныхъ бояръ и любимцовъ фортуны. Ежедневно Сидней вкушалъ новыя удовольствїи: Силли открылъ ему свою душу, показалъ ему спокойство и тишину, коими она наслаждалась. Уже не былъ онъ тотъ свирѣпойнелюдимъ, врагъ человѣческаго рода; уже былъ онъ Философъ просвѣщенной, благодарящей непрестанно въ сердцѣ своемъ Бога и

Сиднея

Сиднея. Онъ былъ столь благополученъ, что и сестра его имѣла наконецъ нужду въ его щедрости, и онъ вкусилъ наипріятнѣйшее отмщеніе; онъ здѣлалъ ей одолженіе. Домъ его имѣлъ благородную простоту души его. Время свое раздѣлялъ онъ между должностію и утѣхами своими, изъ коихъ пріятнѣйшія состояли въ томъ, чтобъ любить жену свою, воспитывать дѣтей своихъ, вкоренять въ нихъ всѣ свои и супруги своей добродѣтели, и единодушную любовь къ добродѣтельному Сиднею. Накануне его отъѣзду, здѣлали они для него обѣдъ съ большимъ приготовленіемъ. По окончаніи стола принесли большое блюдо. Силли просилъ Сиднея открыть его; онъ его открылъ, и увидѣлъ великое число люидоровъ; удивленіе его было несказанно. Силли кинулся къ нему на шею, дражайшій Сидней, говорилъ ему: вотъ тѣ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ, которые далъ ты мнѣ въ заемъ толь великодушно; они столь мнѣ полезны были, что я ими нажилъ состояніе, въ которомъ желанія мои исполняются. Сія малая деревня принадлежитъ мнѣ, и я имѣю, чемъ воспитать любезныхъ мнѣ дѣтей, которые любить тебя будутъ до послѣдняго издыханія. О превосходныя созданія! вскричалъ Сидней, колико достойны вы

щастія вашего, и столь ли я благополученъ, чтобъ могъ къ оному вамъ подать способы! . . . Ахъ, друзья мои! Я самъ получилъ возданіе. Сіи пять тысячь фунтовъ стерлинговъ столько мнѣ принесли, что прибытокъ съ нихъ я самъ заплатить вамъ долженъ. Онъ не успѣлъ еще окончить сихъ словъ, какъ всю сумму раздѣлилъ на́-три части, и каждую отдалъ онъ тремъ младенцамъ, говоря имъ: друзья мои, возмите ваше собственное; въ сей только разъ будте вы отцу своему преслушными; не откажите мнѣ въ томъ, не разсердите меня тѣмъ, и обоймите меня . . . Силли, отецъ его, жена, чувствуя въ сердцахъ своихъ истинную къ нему благодарность, хотѣли принудить Сиднея къ принятію сей суммы; но онъ отрекшись отъ того, снялъ еще съ руки своей перстень, и надѣлъ Юліи на руку: мой другъ, говорилъ онъ ей, позволитъ вамъ носить сей малой знакъ моего дружества: перстень сей стоилъ двухъ тысячь гиней.

Онъ нѣсколько уже разъ переходилъ Силліевы покои; вдругъ отворилъ онъ дверь по одну сторону его спальни. Сидней увидѣлъ тамо свой портретъ, увѣнчанной цвѣтами съ сею надписью: *благодѣтель нашъ* Онъ кинулся въ объятія Силлія, что я видѣлъ!

Ты видѣлъ, отвѣтствовалъ тотъ, ты видѣлъ предметъ искреннѣйшего моего по Богѣ обожанія. Каждой день отецъ мой и вся моя семья приходятъ сюда воздавать тебѣ свое истинное почитаніе, и произносить сердечнымъ гласомъ: Се творецъ истиннаго существа нашего и щастія, коимъ мы наслаждаемся. Любезной Сидней; сей есть храмъ благодарности, и дѣти мои каждое утро цвѣтами оной украшаютъ. Китайцы почитаютъ память Конфуція; для чего же намъ не почитать образъ добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ? Въ первое путешествіе твое во Францію, старался я удержать у себя малой твой портретъ, которой я нашелъ между бумагами; а съ него и сей большой ужè здѣланъ. Всеминутно воспоминаетъ онъ мнѣ моего друга, почтеннаго Сидне я . . . Такъ говорилъ отецъ и жена его вошедши къ нимъ въ ту минуту, сей есть предметъ богослуженія дружеству; а ты божество наше . . . Сидней ихъ обънимаетъ, проливаетъ слéзы, слéзы истинной и небесной радости. Ахъ! вскричалъ онъ, вы ангелы земные! сколь много душа ваша моей превыше! Вы еще и меня чувствительнѣе! Не разлучимся болѣе друзья мои; у меня нѣтъ ни жены ни дѣтей, будьте вы семья моя, дѣти мои, дѣти сéрдца моего. Я

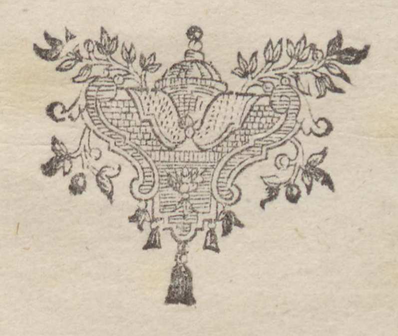
обѣжжу

съѣжжу только въ Индїю, и возвращусь въ объятїя ваши.

Сидней здержалъ свое слово. Онъ прїѣхалъ къ нимъ жить въ ихъ прекрасную деревню; онъ не могъ престать хвалити свою *любезную семью*; такъ онъ называлъ тѣхъ, коихъ чувствованїя умножались всегда благодарностїю и нѣжностїю.

Все собранїе единогласно назвали Сиднея Героемъ сердецъ благодѣтельныхъ; но Невтонъ сказалъ одинъ изъ друзей нашихъ, Невтонъ со всѣмъ тѣмъ останется всегда великимъ человѣкомъ.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛАНІЕ

къ

слугамъ моимъ

ШУМИЛОВУ, ВАНЬКѢ

и

ПЕТРУШКѢ.

* * *

Къ слугамъ моимъ.

Скажи Шумиловъ мнѣ, на что сей созданъ свѣтъ,
И какъ мнѣ въономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ?
Любезной дядька мой, наставникъ и учитель!
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишся Бога ты, боишся сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены, медвѣдь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька, и Петрушка?
На что ты созданъ самъ, скажи Шумиловъ мнѣ,
На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ, снѣ?
О таинство отъ насъ сокрытою судьбою!
Трясешь Шумиловъ ты сѣдой своей главою.
„ Не знаю, говоришь, не знаю я того,
„ Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
„ Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами,
„ И вѣкъ работать намъ руками и ногами,
„ Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной,
„ И помню только то, что власть твоя со мной.
„ Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки
„ На что сей созданъ свѣтъ, изволь спросить у Ваньки.

Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плеча! большая голова
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница, (*)
И стало наконецъ угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И стоя назади Петрополь (**) обтекаешь,
Готовся на вопросъ, премудрой дать отвѣтъ.
Вещай, великій мужъ, на что сей созданъ свѣтъ?

Какъ тучи ясной день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясной взоръ слова̀ мои смущаютъ.
Сомнѣніе его тревожить начело̀,
Наморщилась его и хара и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ „ на всѣ твои затѣи,
„ Не могутъ отвѣчать и сами грамотеи,
„ И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза̀
„ Не могутъ различить отъ ижицы аза?
„ Съ утра до вечера держася на каретѣ,
„ Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.

(*) Ванькѣ поручено было смотреніе надъ каретою, и лошедьми.

(**) Сіе посланіе писано въ Петербургѣ

„ Не ловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
„ Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
„ Откуда каждой часъ друзей моихъ гоняютъ,
„ И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ:
„ Но естьли на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
„ Такъ слушайте жъ каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
„ Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы!
„ Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
„ Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ,
„ Что могъ увидѣть я того не простерегъ.
„ Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
„ Видалъ простыхъ господъ, видалъ и Генераловъ;
„ А чтобъ не завести напрасной съ вами споръ,
„ Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ;
„ Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
„ И ѣздить на зади я истинно наскучилъ.
„ Извощикъ, лошади, карета, хомуты,
„ И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
„ Здѣсь вижу мотовство; а тамъ я вижу скупость,
„ Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
„ Да сверьхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
„ Столь много времяни не правдою живетъ,
„ Что нѣтъ ужè такихъ кащѣевъ на примѣтѣ,

„ Которы

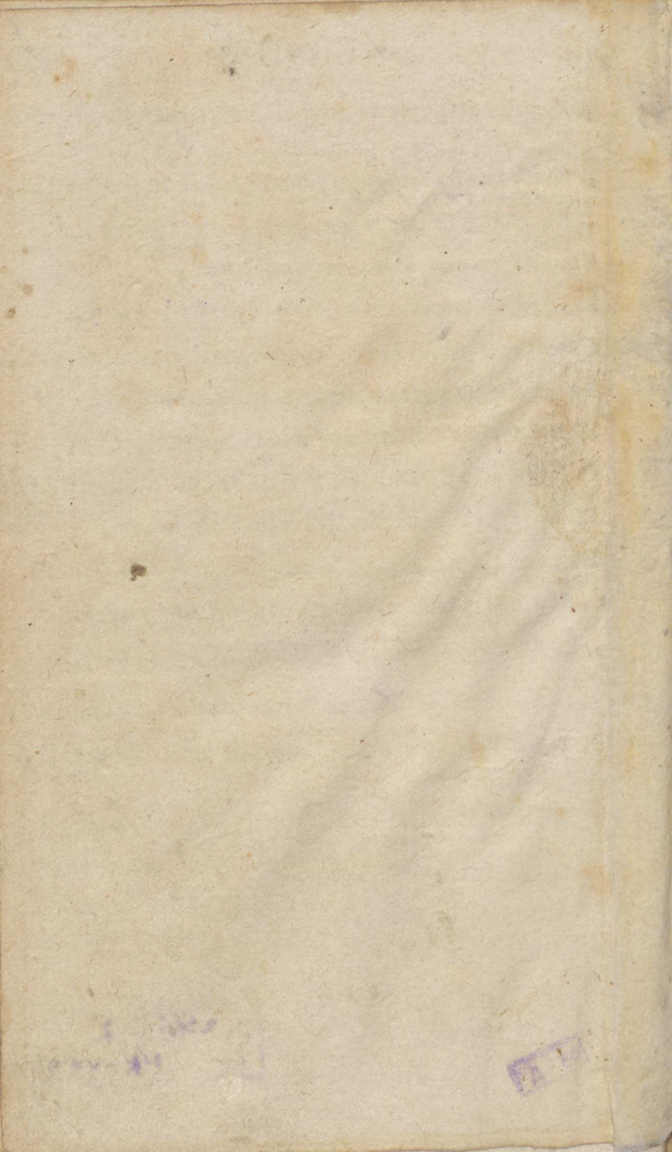
,, Которыбъ истинну запомнили на свѣтѣ.
,, Попы стараются обманывать народъ,
,, Слуги дворецкаго, дворецкїе господъ,
,, Другъ друга господа; а знатные бояря,
,, Не рѣдко обмануть хотятъ и Государя,
,, И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ,
,, За благо разсудилъ приняться за обманъ.
,, До денегъ лакомы посадскїе, дворяне,
,, Судьи, подьячїе, солдаты и крестьяне.
,, Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ,
,, Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
,, Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
,, А пастыри притомъ карманы набиваютъ.
,, За деньги чистыя прощаютъ всякой грѣхъ,
,, За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ
,, Но естьли говорить на свѣтѣ правду можно,
,, Тамъ мнѣнїе мое скажу я вамъ не ложно:
,, За деньги самого всевышняго Творца,
,, Готовы обмануть и пастырь и овца.
,, Что дуренъ здѣшней свѣтъ, то всякой понимаетъ
,, Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ;
,, Довольно я моловъ, пора и помолчать.
,, Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ отвѣчать

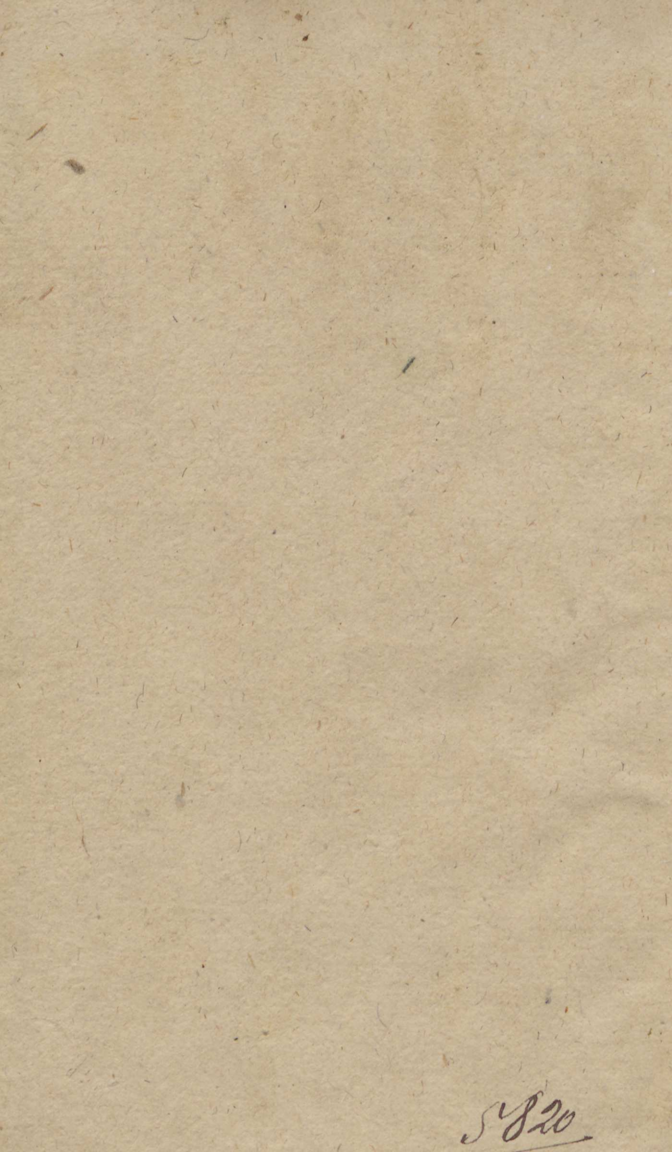
„ Я мысль мою скажу, вѣщаетъ мнѣ Петрушка :
„ Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка.
„ Лишъ только надобно потверже то узнать,
„ какъ лучше живучи игрушкой той играть.
„ Что нужды, хоть потомъ и возмутъ душу черти,
„ Лишъ толькобъ удалось получше жить досмерти?
„ На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
„ Жить весело и здѣсь, лишъ ближними играй.
„ Играй, хоть отъ игры и плакать ближней будетъ,
„ Щечи его казну, твоя казна прибудетъ;
„ А чтобъ прїятнѣе еще казался свѣтъ,
„ Бери, лови, хватай, все что ни попадетъ.
„ Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку,
„ Что ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ въ шутку.
„ Не частоль отъ того родится всѣмъ бѣда,
„ Чемъ тѣшиться хотятъ большїе господа,
„ Которы нашими играютъ господами
„ Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами.
„ Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
„ По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу,
„ Иныя рѣзвятся, хахочутъ, пляшутъ, скачутъ,
„ Другїе

,, Другїя морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
,, Вотъ какъ вертится свѣтъ; А для чего онъ такъ,
,, Не вѣдаетъ того ни умной ни дуракъ:
Однако ежели какими чудесами,
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ ее?.. Симъ рѣчь скончилъ онъ,
За рѣчїю его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону,
И трое всѣ они возвыся громкой гласъ,
Вѣщали: ,, не скрывай ты таинства отъ насъ.
,, Яви ты намъ свою въ рѣшенїяхъ удачу.
,, Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!

А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ,
И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ.

5820

18.285.5.5